

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.1640

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Андреева А. С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть II // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 457—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1640>.

For citation:

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Andreeva A. S. (2020) Migrants' settlement patterns in global cities and their determinants: Paris, Singapore, Sydney and Moscow. Part II. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 457—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1640>.

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ: ПАРИЖ, СИНГАПУР, СИДНЕЙ И МОСКВА В СРАВНЕНИИ. ЧАСТЬ II

РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ: ПАРИЖ, СИНГАПУР, СИДНЕЙ И МОСКВА В СРАВНЕНИИ. ЧАСТЬ II

MIGRANTS' SETTLEMENT PATTERNS IN GLOBAL CITIES AND THEIR DETERMINANTS: PARIS, SINGAPORE, SYDNEY AND MOSCOW. PART II

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

*E-MAIL: varshavere@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>*

*Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research, Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>*

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

АНДРЕЕВА Альбина Сергеевна — магистр международных отношений, исследователь Группы исследований миграции и этничности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: formulagerona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1353-5798>

Аннотация. Приводятся результаты сравнительного анализа характеристик расселения этнических мигрантов и их детерминант в глобальных городах (Париж, Сингапур, Сидней и Москва). Статья написана на основании релевантной литературы, а также полевой работы в указанных городах, включавшей экспертные интервью со специалистами по ур-

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

Nataliya S. IVANOVA¹ — Master of Sociology, Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Albina S. ANDREEVA¹ — Master of International Relations, Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research
E-MAIL: formulagerona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1353-5798>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a comparative study devoted to the settlement of ethnic migrants and their determinants in the global cities, such as Paris, Singapore, Sydney, and Moscow. The article is based on the relevant literature and field studies conducted in these cities including interviews with experts in the urban studies and migrant integration, observation, in-depth and

банистике и интеграции мигрантов, наблюдения, глубинные и экспресс-интервью в городском пространстве, в частности в местах резидентной концентрации иноэтничных мигрантов (этномиграционных анклавов). Основной результат — теоретическая схема, описывающая главные детерминанты расселения мигрантов в разных контекстах. Среди основных факторов, объясняющих расселение мигрантов в глобальных городах, — социально-экономические параметры принимающего общества, характеристики миграционной политики, миграционных потоков, вертикальной социальной мобильности мигрантов и их детей, социальная структура пространства, локальная конструкция этничности, государственная и городская резидентная политика, а также резидентный выбор мигрантов и немигрантов. Для каждого случая набор факторов, объясняющий характеристики расселения мигрантов, различается. В статье приводятся детальные описания городских случаев и показывается релевантный для них набор факторов. Статья разделена на две части, первая из которых опубликована в № 6 за 2019 год, вторая — в № 2 за 2020 год.

Ключевые слова: миграция, расселение мигрантов, этно-миграционные анклавы, места концентрации мигрантов

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10086) «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах».

express interviews in the urban space, for example, in the areas of residential concentration of non-ethnic communities (ethno-migrant enclaves). The authors propose a theoretical scheme describing the key determinants of migrant settlement in different contexts. The basic factors behind migrant settlements in the global cities are as follows: socio-economic characteristics of the receiving community, migration policy, characteristics of migration flows, characteristics of vertical social mobility among migrants and their children, social structure of the urban space, local construction of ethnicity, state and urban residential policies, and residential choices of migrants and non-migrants. For each of these cases, factors explaining settlement preferences can be different. The article provides a detailed description of each city and depicts a set of factors relevant for each of these case studies. The article is divided on two parts, the first part is published in [No. 6 \(2019\)](#), the second part is published in [No. 2 \(2020\)](#).

Keywords: migration, migrant settlement, ethno-migrant enclaves, migrant concentrations

Acknowledgments. The research behind the article is supported by the Russian Science Foundation (project RSF № 18-78-10086) “Analysis of Ethno-Migrant Enclave Formation in Russian Cities”.

Сидней

26 января 1788 года¹ на юго-восточном побережье Австралии в будущей Сиднейской бухте произвел высадку небольшой флот, состоявший из 11 кораблей и перевозивший из переполненного Лондона в дальний угол Британской империи несколько сотен заключенных. Сейчас эта дата празднуется как день Австралии, а также — день основания Сиднея. За этим флотом, вошедшим в историю страны как Первый Флот, последовали Второй и Третий, и к 1868 году, когда в Австралию перестали отправлять заключенных, порядка 165 тысяч человек были перевезены туда именно в таком качестве. Параллельно с этим, однако, в Австралию отправлялись и свободные британцы — за землей, которой в Австралии было много, и, в целом, лучшей жизнью. Из Сиднея они распространялись по остальной территории, и именно переселенцами из Сиднея были основаны такие города как Мельбурн и Аделаида. Следующая, иная по характеристикам, миграционная волна связана с золотой лихорадкой 1850—1960-х гг., когда золото было найдено сначала в Новом Южном Уэльсе, а затем и рядом с Мельбурном, незадолго до того основанным переселенцами из первых колоний. Именно тогда в Австралии появились первые мигранты-небританцы. Ими стали китайцы из южной провинции Гуандун. Возможность массовой миграции китайцев напугала тогдашних австралийцев, и в том числе для регуляции миграции было решено создать союз до того независимых друг от друга колоний. Так появилось Содружество Австралии, провозглашенное 1 января 1901 года. Одним из первых указов стал Акт ограничения миграции, ставший основой т. н. Политики белой Австралии. Акт напрямую не запрещал иммиграцию не-британцев, однако включал в себя пункт, согласно которому мигранты должны пройти языковой тест — написать диктант из 100 слов на одном из европейских языков. Язык диктанта выбирал миграционный офицер. В результате с начала века до второй мировой войны абсолютное большинство новых австралийцев составили британские мигранты — приехавшие за свой счет и с помощью правительственных дотаций.

Вторая мировая война стала поворотным пунктом в истории иммиграции в Австралию. Австралия приняла участие в войне на стороне Великобритании и впервые столкнулась с опасностью военной оккупации. Это серьезно напугало австралийское общество. Слоган «населить или исчезнуть» хорошо выражал общественные настроения того времени. Поскольку общество разрывалось между идеей белой Австралии и необходимостью привлекать мигрантов, было решено в первую очередь обратиться к странам, где население фенотипически максимально соответствовало представлениям о «белом человеке», и, отправившись в европейские лагеря интернированных, министр иммиграции Артур Колвелл пригласил иммигрировать в Австралию эстонцев, латышей, литовцев и поляков². Их прибытие пробило брешь в Политике белой Австралии, и за 1945—1965 гг. туда прибыли порядка двух миллионов человек, при этом британцев из них была лишь половина. Документальное же окончание Политики белой Австралии относится

¹ Фрагмент, посвященный истории иммиграции в Австралии, написан на основании «Истории иммиграции в Австралию» Дж. Йуппа [Jupp, 2002], а также материалов музея иммиграции г. Мельбурна (Immigration Museum (2019). Museums Victoria. URL: <https://museumsvictoria.com.au/immigrationmuseum>).

² Immigration Nation. Part 1 (2011). Australian Perspective. Video. URL: https://www.youtube.com/watch?v=X20748_iOD8.

к 1966 г., когда был осуществлен пересмотр миграционной политики, и тогдашний министр иммиграции Хуберт Опперман заявил, что в качестве иммигрантов станут привлекаться иностранцы, если они «способны интегрироваться в общество и обладают квалификациями, полезными для Австралии» [Watt, 1968].

Мощным символическим актом, указавшим на то, что Австралия теперь принимает мигрантов со всего света, включая тех, кому раньше, как считалось, не место в стране, стал прием в 1978 г. беженцев из Вьетнама [Price, 1981]. Параллельно шла гражданская война в Ливане (1975—1990), и в страну прибыли порядка 30 тысяч ливанцев — суннитов, шиитов и христиан [Tabar, Noble, Poynting, 2010]. Среди прочих эпизодов истории XX века, в результате которых беженцы оказались в Австралии, можно указать конфликт в Восточном Тиморе (1975), установление диктатур в странах Латинской Америки (1970-е), выступления китайских студентов в Пекине (1988), Балканские войны (1991—2001). Примерно тогда же — в 1970—80-х — начинает выработываться миграционная политика мультикультуральной Австралии, действующая по настоящее время. Ее основа — это баланс между экономической целесообразностью и гуманитарными мерами. Экономическую целесообразность обеспечивает т. н. балльная система, согласно которой определяется, мигранты с какими квалификациями нужны Австралии, а также специальные программы для бизнесменов, гуманитарная составляющая — это программа воссоединения семей и программа приема беженцев. С 1990-х гг. и по настоящее время в Австралию прибывают мигранты из разных стран. Новые конфликты открывают новые направления вынужденной миграции — например, из Афганистана, Ирака, а позже — Сирии и других постреволюционных арабских стран. Интенсифицируется миграция с индийского субконтинента (Индия, Пакистан, Бангладеш), а также из Китая и прочих небольших государств Восточной Азии, таких как Тайвань, Гонконг и Макао. Параллельно с этим «посеянные семена» миграции беженцев, прежде всего из Ливана и Вьетнама, «прорастают» прочими видами иммиграции, в частности по линии воссоединения семей, а также — переезда специалистов и бизнесменов. За последние годы Австралия принимает порядка 180—190 тысяч иммигрантов по визам, необходимым для постоянного проживания, из которых около 110 тысяч — это квалифицированные специалисты, 60 тысяч — члены семей, а еще 13—14 тысяч — это беженцы [Phillips, Simon-Davies, 2016]. В этих условиях в 2016 г. наиболее частотными странами происхождения иммигрантов стали Индия (38264 человек), Китай (29604), Соединенное Королевство (16982), Ирак (9771), Сирия (8229), Новая Зеландия (8199), Пакистан (6315) и Вьетнам (5579). Всего же на данный момент порядка 29% жителей Австралии (из 25-миллионного населения страны) родились за ее пределами, а еще порядка 20% — дети мигрантов. Самой распространенной страной происхождения австралийских иммигрантов является Англия (около 1 млн человек), на втором месте — Новая Зеландия (568 тыс.), Китай (557 тыс.), Индия (489 тыс.), Филиппины (252 тыс.) и Вьетнам (243 тыс.). Кроме того в десятку входят Италия, Южная Африка, Малайзия, Шотландия и Шри Ланка [Liddy, 2018].

Сидней с момента основания является воротами в Австралию для мигрантов. Именно он на протяжении XX века чаще всего становился первым местом поселения для мигрантов, и сейчас, если совокупная доля мигрантов и их детей в насе-

лении Австралии составляет 49 %, для 4,5-миллионного Сиднея эта цифра — 68 %, самый высокий процент для всех крупных пунктов Австралии. Мельбурн и Перт несколько уступают (62 % и 64 % соответственно), остальные же столицы штатов, а также столица, Канберра, уступают еще существеннее. Несколько различается этнический бэкграунд мигрантов и их детей, проживающих в Сиднее и в других городах. Так, Сидней проигрывает Мельбурну по доле греков и итальянцев, зато там больше китайских и арабских мигрантов, а также их детей³.

Где живут мигранты в Сиднее? Ответ на этот вопрос зависит от определения мигранта. Австралийская перепись в качестве таковых позволяет выделять родившихся вне Австралии, родившихся в Австралии у родителей, родившихся вне Австралии, а также указавших в качестве своего «этнического происхождения» категорию иную, нежели Австралия, а язык общения дома — иной, нежели английский. Эти множества частично накладываются, поэтому в публичном пространстве и научных дебатах сосуществуют ответы, согласно которым мигранты селятся везде, и Сидней является смешанным городом, и что существует два Сиднея — мигрантский и немигрантский. Для начала — посмотрим на «расовую карту» Сиднея, составленную на основании переписи 2016 года (см. рис. 1).

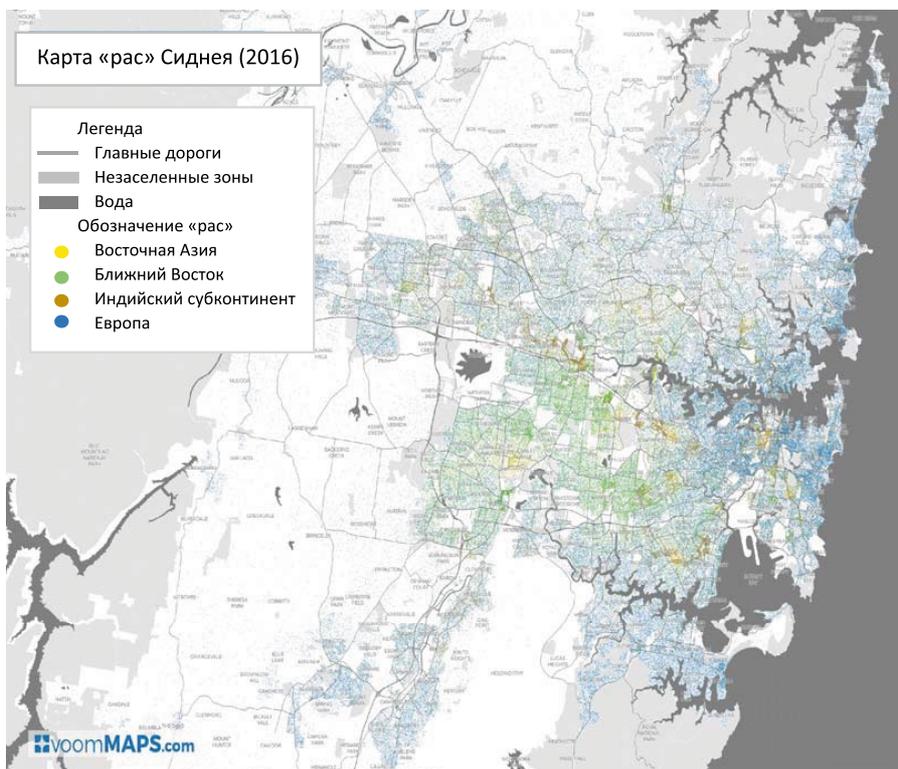

Рисунок 1. Карта «рас» Сиднея. Источник: Sydney Race Map (2016). voomMAPS.

URL: <https://voommaps.com/race-ethnicity-maps/sydney-race-map-2016/>.

³ Australian Bureau of Statistics (2016). URL: <https://www.abs.gov.au>.

Эта карта построена на основании переменной «происхождение» и учитывает, таким образом, и первое, и второе поколение мигрантов, при этом все европейские мигранты и их потомки — отнесены к категории «белые», а кроме того выделены регионы происхождения: «восточная Азия» (прежде всего Китай, Вьетнам и Корея), «Ближний Восток» (прежде всего Ливан и прочие арабские страны) и «Субконтинент» (Индия, Пакистан, Бангладеш и Шри-Ланка). Прослеживается несколько четких паттернов.

Во-первых, ближневосточные мигранты живут компактно в кластере западных пригородов Обурн, Гринакр, Фэрфилд, Ливерпуль, Бэнкстаун, субконтинентальные мигранты концентрируются в районе Стрэтфилда и Парраматты, китайские же и вьетнамские мигранты — живут более дисперсно, хотя есть и места концентрации, например — Кабраматта. Очевидно, что эти кластеры находятся преимущественно на запад и на юго-запад от центрального Сиднея. Напротив, «белые» живут в ближайших к центру пригородах, на восток и на север от него, а также — по всем направлениям на окраинах города. Выборочно приглядимся к нескольким районам и посмотрим их этнический состав. В преимущественно восточно-азиатском пригороде Кабраматта⁴ самые большие группы — это вьетнамцы (33%), китайцы (24%), камбоджийцы (8%), британцы (5%) и австралийцы (4%). Этот пригород на слуху и считается самым азиатским в Сиднее. А во внутреннем пригороде Энмор⁵ этот чарт выглядит так: британцы (23%), австралийцы (18%), ирландцы (10%), шотландцы (8%) и китайцы (3%). Посмотрим теперь на северный пригород Мэнли⁶, находящийся на берегу океана и считающийся раем для серферов: британцы (29%), австралийцы (16%), ирландцы (10%), шотландцы (8%), немцы (4%). Вернемся на восток — в Роузхилл: индийцы (22%), британцы (10%), китайцы (10%), ливанцы (7%), австралийцы (7%). И закончим окраиной города — пригородом Маунт Аннан⁷: австралийцы (28%), британцы (25%), ирландцы (7%), шотландцы (6%), итальянцы (3%). Перечисление пригородов можно было бы продолжить, и оно показало бы значительное разнообразие вариантов этнического состава, но в целом можно предположить определенный уровень расовой сегрегации в Сиднее. Так ли это?

Социальные географы Поульсен, Джонстон и Форрест [Poulsen, Johnston, Forrest, 2004] разделили все пригороды Сиднея на пять типов в зависимости от доли иммигрантов, а также стран их происхождения. Пригороды, в которых принимающее население составило 80% и более, они назвали изолированными сообществами местных (isolated host communities). Неизолированными сообществами местных (non-isolated host communities) были названы пригороды, в которых принимающее население составило 50—80%. Третий тип — ассимиляционно-плюральные анклав (associated assimilation-pluralism enclaves), в них принимающее население

⁴ Census QuickStats. Cabramatta (2016). Australian Bureau of Statistics. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC10740?opendocument.

⁵ Census QuickStats. Enmore (Inner West — NSW) (2016). Australian Bureau of Statistics. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC11425?opendocument.

⁶ Census QuickStats. Manly (NSW) (2016). Australian Bureau of Statistics. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC12475?opendocument.

⁷ Census QuickStats. Mount Annan (2016). Australian Bureau of Statistics. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/SSC12745?opendocument.

является значимым (30 %-50 %) меньшинством, а разные мигрантские группы составляют от 50 % до 70 % жителей пригорода. Четвертый тип — анклав смешанных меньшинств (*mixed-minority enclaves*), в которых большую часть населения составляют иммигрантские группы, но ни одна из них не превосходит численно все остальные более чем в два раза. Пятый тип — поляризованные анклавы (*polarized enclaves*), где доминирующая группа меньшинства превосходит более чем в два раза все остальные группы меньшинств. Последний, шестой тип, авторы назвали гетто или экстремально поляризованные анклавы (*Ghettos or extreme polarized enclaves*) и в нем доминирующая группа составляет 60 % населения, кроме того 30 % этой группы в Сиднее живет в такого рода переписных единицах. Такого рода гетто авторы в Сиднее не обнаружили.

Наиболее же типичное для иммигрантов Сиднея проживание — в неизолированных сообществах местных. Для большинства групп иммигрантов доля живущих в таких переписных единицах составляет 50 % и более, распространенным является и проживание в смешанном анклаве (до четверти живущих в таких пригородах для некоторых мигрантских групп). Авторы этого исследования в отличие от авторов карты в качестве местных рассматривали только «англо-кельтов», а прочие европейские группы мигрантов были исследованы отдельно (на карте же итальянцы и греки включены в совокупность белых, с учетом того, что это старая миграция, такой подход представляется более справедливым).

С какой долей уверенности можно говорить о том, что в целом мигранты больше концентрируются в тех или иных районах? Те же авторы провели другое исследование [Forrest, Johnston, 2001], где на основании переписи 1996 г. измерили диссимильность этнических групп в Сиднее. Индекс диссимильности, который они использовали, варьируется от 0 до 100, где 0 означает, что для достижения равномерного расселения никого из этой группы не надо переселить в другие пространственные единицы, а 100 — что всех. Согласно результатам исследования, самая низкая диссимильность у шотландцев, немцев, северных ирландцев, новозеландцев и финнов, а самая высокая — у лаосцев, камбоджийцев, вьетнамцев, мигрантов из СССР, а также иракцев. Паттерн выражен довольно ярко, и авторы объясняют это не культурными особенностями, а временем, проведенным в Австралии, указывая на важную характеристику расселения мигрантов в Австралии: места концентрации мигрантов — это зачастую места аккомодации, то есть первичного поселения; освоившись и заработав денег, мигранты переезжают в другие районы. Эти районы нередко более смешанные, однако в силу того что миграционные волны — это одновременный переезд многих людей со схожими социально-экономическими характеристиками, из первых районов во вторые мигранты переезжают тоже относительно массово, и создаются места вторичной концентрации мигрантов. С учетом того, что важной универсальной детерминантой выбора района проживания для мигрантов в Австралии является близость к родственникам и друзьям, эти районы зачастую находятся недалеко от районов первичного проживания мигрантов. Такими парами районов стали, например, Марриквиль и Эрлвуд для греков, а также Лакемба и северный Бэнкстаун для ливанцев. Расстояние между этими районами не превышает 4 километров.

В результате выработался и другой паттерн, характеризующий расселение мигрантов в Сиднее. Некоторые пригороды, зачастую, являющиеся местами первичной концентрации мигрантов, со временем полностью меняют свой этнический профиль. Это произошло, например, с пригородом Хэррис Парк, который сначала был местом концентрации ливанских мигрантов, но сейчас ливанцев почти полностью заменили индийцы. Это произошло и с упомянутым Марриквиллем: когда оттуда стали выезжать греки, там поселились вьетнамцы; а в последние годы он переживает джентрификацию и становится этнически более разнообразным.

Можно сказать, что Сидней в целом поделен на две части. В одной концентрируются белые мигранты и немигранты, во второй — небелые мигранты. Границы между этими «двумя Сиднеями», в целом, проходимы, более того, старые мигрантские группы, например, поляки и греки, в 1960-х гг., рассматриваясь австралийцами как «небелые» мигранты, с интенсификацией прочих еще более культурно отличных миграционных потоков, стали «белыми», в том числе и в части паттернов расселения, однако «небелый» Сидней, локализованный в западных и юго-западных пригородах, воспроизводит себя новыми мигрантскими группами, которые селятся там, откуда выезжают старые мигранты. Белые же (раньше британцы и австралийцы, а теперь и прочие европейские мигрантские группы) селятся в восточных и северных пригородах, а также на самых окраинах города. В связи с чем сложились именно такие паттерны расселения?

Сидней, появившись в конце XVIII века, быстро разросся из небольшой плохо организованной колонии до экономической столицы региона⁸. Первый этап роста пришелся на начало XIX века и связан с именем губернатора Лаклана Маквари, спланировавшего сеть дорог и возведшего первые каменные строения до того деревянного городка. Второй этап связан с золотой лихорадкой 1850-х, прямым последствием которой стала индустриализация. Мануфактуры (а позже и заводы) скапливались на юге, юго-западе и западе от центральной части Сиднея, там же — появляются районы, в которых живут рабочие. Белые воротнички, а также зарождающаяся буржуазия предпочитала селиться в восточных пригородах. Факторов, связанных именно с таким распределением, несколько. Во-первых, Сидней, расположенный на тот момент на южном берегу бухты, имеет довольно сложный ландшафт, и места для размещения промышленности выбирались там, где полого и были проложены первые железнодорожные пути. Во-вторых, производствам нужна была пресная вода, которая бралась из рек, преимущественно находившихся в западном и юго-западном направлении, а кроме того — там располагались и другие ресурсы, например, глина для кирпичного производства в Марриквилле бралась из реки Кукс. В-третьих, жаркий климат Сиднея заставляет особенно ценить бриз — ветер с моря, который эффективно охлаждает в первую очередь восточные пригороды. В результате, уже к концу XIX века сложилась классовая структура пространства. Бурное развитие транспорта на рубеже веков позволило рабочим переселиться в пригороды, однако эти пригороды находились в тех же направлениях — прежде всего на запад и юго-запад от центра. Там же возникали новые фабрики. После второй мировой войны,

⁸ Урбанистическая история Сиднея написана по материалам Музея Сиднея, а также диссертации П. Спирритта «Урбанистическая история Сиднея 1920—1950» [Spearritt, 1976] и его книги «Век Сиднея: история» [Spearritt, 2000].

когда стали прибывать небританские мигранты, внешние пригороды также были классово дифференцированы.

Приняв решение о стимулировании интенсивной иммиграции, австралийское правительство довольно быстро определилось и с интеграционной концепцией — иммигранты должны как можно быстрее встать на ноги, но в этом им надо помочь. Для этого были открыты центры приема иммигрантов или мигрантские общежития. Зачастую такие общежития представляли собой бывшие военные бараки или промышленные здания и могли располагаться как в черте города, так и за его пределами. Самое известное такое общежитие называлось Бонегилла и располагалось недалеко от города Олбери в 300 километрах от Сиднея⁹. Были, однако, общежития и в самом Сиднее. В частности, на 1966 г. таковых было тринадцать¹⁰ и располагались они в районах Брэдфилд парк (1050 мест), Бротон (250 мест), Буннеронг (1200 мест), Кабраматта (1190 мест), Дандас (410 мест), Ист Хиллз (1200 мест), Хилскот роуд (800), Матравилл (500), Виллавуд (2520). Большая их часть также располагалась на запад от сити.

Такое расположение было связано с расположением инфраструктуры, необходимой для организации таких общежитий, а также с тем, что трудоустройство послевоенных иммигрантов планировалось на заводах, находящихся в этой части города. Впрочем, некоторые комментаторы [Pruor, 2014] также отмечают, что в той степени, в какой миграция была тяжелым компромиссом для австралийского общества того времени, австралийцы хотели вынести интеграционную инфраструктуру подальше — на окраины тогдашнего города.

В общежитиях мигранты жили несколько месяцев, за это время зачастую трудоустроивались на близлежащих фабриках и когда вставал вопрос о том, где жить, покинув общежития, наиболее очевидным решением было поселиться в одном из районов рядом, тем более там уже жили родственники и друзья, также прошедшие через общежития. Согласно исследованию Варвика Вилсона [Wilson, 1990], изучавшего вьетнамских «лодочных» иммигрантов, абсолютное их большинство (96 %) прошло через общежития и жило на расстоянии не более 10 километров от них, а чаще — в радиусе трех-четырёх километров. Иммиграционные волны сменяли одна другую, в общежитиях на место британцев приходили итальянцы, на место итальянцев — вьетнамцы, на место вьетнамцев — балканцы, однако этот механизм поиска жилья оставался единым для всех, и когда интеграционная политика сменилась, на смену расселению в общежитиях пришла установка на максимальное использование помощи родственников, а в случаях, когда это невозможно, на предоставление социального жилья, относительно равномерно распределенного по территории города, паттерн успел сформироваться.

Как и в других контекстах, мигранты и немигранты делали свой резидентный выбор. Универсальными и самыми важными факторами были близость к родственникам и друзьям, однако затем для низкодоходных групп на первый план вышла близость работы [Waxman, 1999], а для средне- и высокодоходных — хо-

⁹ Bonegilla Migrant Experience (2019). URL: <https://www.bonegilla.org.au>.

¹⁰ Migrant Hostel at Randwick, New South Wales (1966). Parliamentary Standing Committee on Public Works. URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/House_of_Representatives_Committees?url=reports/1966/1966_pp273.pdf.

рошие школы [Chiang, Hsu, 2005]. Параллельно в расчет принимался этнический состав района, а также близость культурных организаций. Установка «жить только среди своих» у мигрантов в Сиднее присутствует редко, однако некоторая их доля может быть желательна.

Зачастую у жителей Сиднея разной этнической принадлежности есть представление о том, с кем им не хотелось бы жить рядом — для белых австралийцев это могут быть, например, индусы (когда они готовят, по дому разносится запах карри) или арабы (районы их преимущественного проживания нередко ассоциируются с высокой криминальной активностью).

В результате действия этих трех факторов складывается этническая мозаика Сиднея. Особым образом в нее встраиваются группы, состоящие преимущественно из квалифицированных специалистов (например, китайцы и индусы), однако и они вписываются в этот паттерн — хотя уже через несколько лет они станут австралийским средним классом, но в первые годы после иммиграции им придется непросто и они предпочитают селиться в районах с невысокой стоимостью недвижимости.

Сидней, в котором 68% населения составляют мигранты, таким образом, делится на две части, одна из них населена белыми австралийцами, а также европейскими мигрантами и их потомками, во второй селятся мигранты из прочих частей света и их дети. Эти две части, однако, местами накладываются. Более того, хотя вторая часть Сиднея, в целом, беднее, эта бедность не является устойчивой и межпоколенческой — австралийское общество предоставляет мигрантам, а особенно их детям возможности для вертикальной мобильности — большинство групп мигрантов второго поколения образованы лучше сопоставимых местных [Khoo, McDonald, Giorgas, 2002]. В результате, значительная часть мигрантского Сиднея — среднеклассовая. Можно, таким образом, говорить об умеренной сегрегации, не связанной с классовыми различиями.

Москва

До 1991 г. Советский Союз, правопреемником которого является Россия, за редкими исключениями, пришедшимися преимущественно на 1920—1930-е гг. (американские инженеры в годы индустриализации, «дети Испании»), практически не принимал международных мигрантов. Вместе с этим за 70 лет существования СССР сложилась масштабная система внутренней миграции, объединившая в себя перемещения, осуществляемые в рамках разнообразия логик и институтов: индустриализация, начавшаяся в конце 1920-х гг. и длившаяся на протяжении всего советского периода, перемещала сельское население в города; модернизация требовала специалистов и сначала притягивала молодежь в города, а затем в рамках системы распределения — отправляла их работать в отдаленные уголки страны, в том числе — и в «национальные» республики СССР и РСФСР; дефицит способствовал появлению торговцев из южных регионов в сибирских городах, репрессивная система — перемещению населения на север и восток страны. В 1991 г. с распадом Советского Союза началось складывание постсоветской международной миграционной системы¹¹ с центром в России.

¹¹ Термин предложен в работе Ивахнюк И. Евразийская миграционная система: от экономического прагматизма к возрождению цивилизационного единства [Ивахнюк, 2012].

Сегодняшняя миграция в Россию — это, с одной стороны, отражение процессов прошлого, с другой — важная часть демографических и экономических реалий нынешней российской жизни. В 1990-е гг. из-за конфликтов, политических и экономических неурядиц на постсоветском пространстве в Россию приехали не менее 3,5 млн человек, многие из которых были детьми или внуками когда-то уехавших из РСФСР людей [Зайончковская, 2013]. В 2000-е гг. с ростом цен на нефть российская экономика стала нуждаться в большем числе рабочих рук, которых в силу демографической ситуации в стране не оказалось. При этом в бывших советских республиках, прежде всего закавказских и среднеазиатских, а также в Молдавии и Украине, число людей, готовых работать, превышало число рабочих мест, а те рабочие места, которые были, предполагали более низкую зарплату, чем в России. Так, на основе сохранившихся с советского времени социальных связей стали появляться и крепнуть миграционные потоки, направленные в Россию. Сегодня демографическая ситуация в России характеризуется естественной убылью населения, в том числе, трудоспособного [Вишневский, 2013], снижается общий уровень экономического благосостояния. По прогнозам демографов, через десять лет естественная убыль российского населения может составлять до 500 тысяч человек в год¹², важность миграции в свете этого признается на государственном уровне¹³.

Сколько в России мигрантов сегодня? За 2018 г. в России на миграционный учет были поставлены около 12 млн иностранных граждан, эта цифра включает в себя очень разных людей: туристов, студентов, иностранцев, приехавших лечиться и повидать родственников, а также из них почти пять миллионов указали, что приехали работать. Важнейший регион-донор для России — это Средняя Азия: из пяти миллионов «трудовых мигрантов» больше половины — три миллиона — приходится¹⁴ на три страны: Узбекистан (2 млн), Таджикистан (1 млн) и Киргизию (0,4 млн). Кроме того, на работу многие приезжают из Украины (0,5 млн), Молдовы (0,2 млн), Азербайджана (0,2 млн и Армении (0,2 млн).

Одновременно с этим каждый год некоторое количество иностранцев получает гражданство России, переставая отражаться в миграционной статистике. Например, за 2015—2017 гг. гражданами РФ стали порядка 700 тысяч человек, а за весь постсоветский период — около 9 миллионов человек¹⁵. Важно, что приобретение гражданства не означает желание остаться в России навсегда или даже того, что «новый россиянин» живет в России. Во многих случаях гражданство равняется возможности претендовать на работу с более высокой зарплатой и избавлению от проблем, связанных с оформлением документов для иностранцев

¹² Предположительная численность населения Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. 26.12.2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812.

¹³ Указ Президента РФ от 09.10.2007 N1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.10.2007. N 42. ст. 5009; Указ Президента РФ от 31.10.2018 N 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 05.11.2018. N 45. ст. 6917.

¹⁴ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 год МВД России. 2019. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.

¹⁵ Проблемы миграции. Кто и зачем едет в Россию. Гайдаровский форум. Видео. 16 Января 2019. URL: <http://gaidarforum.ru/news/problemy-migratsii-kto-i-zachem-edet-v-rossiyu-video>.

и взаимодействием с полицейскими. И наоборот — человек может жить в России годами, не приобретая российское гражданство.

Москва, столица России, привлекает мигрантов больше, чем любой другой город России: например, из тех пяти миллионов, кто приехал в 2018 году работать, почти 1,7 миллиона приходится на Москву¹⁶. Значительное число тех, кто получил российское гражданство, живет в Москве. В целом, мигранты в Москве представляют собой разнообразие социально-экономических групп: от успешных бизнесменов, переехавших с семьей еще в 1990-е гг., в чьих семьях выросли дети, считающие родным языком русский, до «одинок», приезжающих временно на низкоквалифицированную работу и русский язык знающие плохо. Значительная и наиболее видимая часть мигрантов тяготеет ко второму типу. Как и во многих других странах, они занимаются теми видами работы, на которые не претендуют местные жители, и в Москве они в первую очередь заняты в строительстве и сфере обслуживания.

Как расселены мигранты в Москве? Социологические исследования [Rocheva, 2015; Demintseva, 2017] свидетельствуют: 1. В Москве не складываются «этнические районы» (резидентные территории, на которых мигранты или люди с миграционным бэкграундом составляли бы большинство); 2. Несмотря на то что в одних частях Москвы представителей некоторых мигрантских групп может быть чуть больше, чем в других [Вендина, 2004], мигранты в целом равномерно расселены по московским районам. Такие же выводы можно сделать на основании переписи 2010 г., о которой, однако, известно, что по разным причинам информация по этническим мигрантам в ней существенно недопредставлена, представлена некорректно или вводит в заблуждение¹⁷. Так, самая большая доля иноэтничных мигрантов среди всех территориальных единиц столицы обнаруживается в маленьких деревнях Новой Москвы, включенной в состав столицы незадолго до переписи 2010 года. Например, в Юрьевке, деревне, входящей в Вороновское поселение, и удерживающей первенство по доле иноэтничных мигрантов среди всех переписных единиц Москвы (60%), мигранты составляют 12 из 20 переписанных человек. Для всего Вороновского поселения, где проживает 8139 человек, доля иноэтничных мигрантов составляет только 0,7%, из чего можно сделать вывод, что территории компактного проживания иноэтничных мигрантов в Вороново не сложилось¹⁸. Район «старой Москвы» с самой высокой долей мигрантов — Арбат (9,5%), однако, скорее всего, это вновь артефакт сбора данных и настолько высокая доля объясняется, во-первых, наличием в этом районе большого числа гостиниц, во-вторых, тем, что в центре в тот период располагались организации, временно регистрировавшие мигрантов, и вразрез с официаль-

¹⁶ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 год МВД России. 2019. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.

¹⁷ Среди причин такой недопредставленности: наличие специального переписного листа для иностранцев, о котором могли не знать переписчики, уязвимое положение этнических мигрантов, в результате которого дверь переписчикам могли просто не открыть, проживание мигрантов в помещениях, не внесенных в совокупность резидентных, интенсивный график труда, в результате которого на момент переписи мигранты могли отсутствовать дома и проч.

¹⁸ Согласно данным, предоставленным нам администрацией поселения, на данный момент постоянно зарегистрированных жителей в Юрьевке 45 человек, из которых иноэтничными мигрантами первого и второго поколения являются 12 человек, что, с учетом временного лага, снижает указанную долю до 26%.

ной процедурой, данные по зарегистрированным автоматически переносились в переписные листы.

В Пресненском районе, втором «старомосковском» районе по доле мигрантов, их численность составляет только 6,1 %, а в третьем — в Чертанове — только 4,5 %, и далее только снижается. Самая низкая доля мигрантов, согласно переписи, в районе Сокол — 0,7 %, а среднее значение по всем районам Москвы в пределах МКАД — 1,95 %. Доля мигрантов в переписных данных, таким образом, с одной стороны, системно занижена, с другой — когда она высока, нередко это оказывается артефактом сбора данным и не отражает реальность. Данные переписи, с одной стороны, не являются надежным источником, с другой — даже на этих ненадежных данных видно, что доли невелики, разброс небольшой, и мигранты, в целом, равномерно представлены в московских районах.

На этом фоне, однако, можно говорить о некотором количестве типов резидентной концентрации и сегрегации иноэтничных мигрантов в Москве. Прежде всего, речь идет о временных мигрантах в строительных бригадах. Эти бригады, если речь идет о высотном строительстве, требующем наибольшее количество рабочих рук, представляют собой группу людей, сложившуюся на основе земляческо-родственных сетей. В типичном случае строители всей бригадой проживают либо на стройке в строительных городках, либо в одном из специальных общежитий, которые строят компании для своих работников. В обоих случаях строители живут замкнуто и если соседствуют с немигрантами, это соседство происходит через забор стройплощадки или через шлагбаум, отделяющий въезд во двор общежития от прочей застройки.

Иным по структуре типом резидентной концентрации мигрантов являются т. н. «резиновые квартиры». Под этим словосочетанием обычно подразумевается и квартира, в которой зарегистрировано большое количество не проживающих в ней мигрантов, и квартира-общежитие, в которой в одной комнате может жить до десяти человек, спящих на матрасах или двухъярусных кроватях, иногда — по-сменно. Такие квартиры чаще всего находятся в обычных многоквартирных домах, а в соседних квартирах — живут немигранты в адекватном для помещения количестве¹⁹. Жильцы квартир-общежитий могут приходиться друг другу как родственниками, так и абсолютно чужими людьми, более того, распространена ситуация, при которой одна комната в двухкомнатной квартире-общежитии занята семьей в составе муж-жена-ребенок, в другой — живут только молодые мужчины.

Третьим типом концентрации мигрантов в Москве является их более высокая представленность среди населения жилых массивов недалеко от крупных специфически мигрантских рабочих мест — рынков, овощебаз или торговых центров. На протяжении 2000-х гг. крупнейшим таким рабочим местом был Черкизовский рынок, а в 2013 г. стала известна на всю страну Покровская овощебаза в Бирюлеве Западном, закрытая после анти-мигрантских выступлений националистов. В настоящий момент подобными местами концентрации являются дома вокруг ТК Москва в районе Люблино, а также некоторые части г. Котельники,

¹⁹ Согласно Индексу лучшей жизни ОЭСР, в Москве на одного человека приходится 22 квадратных метра жилой площади, что примерно соответствует одной просторной комнате. (см. Как жизнь? Индекс лучшей жизни. 2017. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru>).

расположенного сразу за МКАД и прилегающего к оптово-розничному рынку Садовод и несколькими большим торговым комплексам. Доля мигрантов и мигрантских квартир в подобных домах может превышать 50%, более того, не желая иметь столько мигрантов в качестве соседей, немигрантское население может свои квартиры сдавать или продавать мигрантам.

Такое положение вещей, однако, зачастую характеризует лишь несколько домов, непосредственно прилегающих или находящихся в приоритетной транспортной доступности от рабочего места. Вопреки ожиданиям, дома, в которых происходит такая замена населения, совсем не обязательно представляют собой старую советскую застройку. Напротив, купив квартиры на стадии котлована и столкнувшись при заселении с нежелательным соседством, немигрантское население бюджетных новостроек съедет с большей вероятностью. Вместе с тем зафиксированы случаи, когда замена населения происходит и в домах советского времени, и в частном секторе — например, в деревне Челобитьево, прилегающей к МКАД с северной стороны, в одно- и двухэтажных домах советского времени живут преимущественно таджикские мигранты, резидентная концентрация которых связана с расположенными рядом Мытищинским строительным рынком и неформальной мигрантской биржей труда на Ярославском шоссе.

Можно ли говорить, что жилье, характеризующееся этими типами концентрации мигрантов, больше представлено в одних частях Москвы и меньше в других? Стройки происходят по всей Москве и проживание на стройках, соответственно, не является особенностью какой-либо части города. Квартиры-общежития также относительно равномерно расположены в городе, включая центральные районы, в которых ими могут служить, например, аварийные дома.

Крупные рабочие места, однако, зачастую расположены на окраинах Москвы — в районе МКАД, в результате и связанные с ними места концентрации располагаются на периферии города. Такие места концентрации, равно как и места концентрации в принципе, являются лишь одним из типов проживания мигрантов в Москве. Семейные мигранты и мигранты второго поколения зачастую живут вне мест концентрации, и их проживание не привязано к каким-либо специфическим «мигрантским» местам. Оценить долю мигрантов, живущих вне указанных мест концентрации, — сложная задача, однако можно предположить, что их не больше половины. С учетом того, что и места концентрации не локализируются в той или иной части Москвы, можно повторить, что иноэтничные мигранты расселены по городу, в целом, равномерно.

С чем связано такое положение вещей? Есть один ключевой фактор, который его объясняет: эгалитарность городского пространства «социалистического города» Москвы²⁰. Районирование и локализация социальных групп присутствовали в Москве на протяжении ее дореволюционной истории, но, хотя те или иные части города могли считаться связанными с теми или иными профессиями, этническими и классами, в целом, эта принадлежность, являлась символическим ори-

²⁰ История складывания эгалитарного пространства Москвы на данный момент еще не написана, поэтому этот фрагмент подготовлен на основе серии глубинных интервью со специалистами по пространству Москвы, Д. В. Ромодиним, П. А. Гнилорыбовым, О. И. Вендиной, которых авторы благодарят за предоставленную информацию и одновременно берут на себя всю ответственность за неверно изложенные факты и неправомерные интерпретации.

ентиром и по разным причинам не создавала ситуации социальной сегрегации. Не создавалось в Москве и специфических географических направлений, где бы локализовывались мануфактуры и фабрики. Хотя можно говорить о некоторой их кластеризации на востоке и юго-востоке, строились они в Москве почти везде, где была вода, а затем и железная дорога. Единственное направление, которое было свободно от индустрии — юго-запад. На момент индустриализации оно было слабо освоено в связи с характеристиками ландшафта — Воробьевы горы затрудняли строительство железной дороги. Рабочие до революции жили в специально построенных для них рабочих городках, пространственно примыкающих к фабрикам, и в доходных домах, бараках и прочих типах жилья, расположенных по всему городу. Кластеры дворянских и купеческих усадеб также не были привязаны к специфическим районам и соседствовали с местами проживания прочих социальных групп.

Сложно сказать, с какой вероятностью с ростом рабочего класса при сохранении дореволюционных пространственно-социальных структур классовое районирование бы возникло, однако на момент революции Москва классово-сегрегированным городом не являлась. Революция и пост-революционное «уплотнение» способствовало интенсивному социальному смешению. Ограниченный и в основном дворянско-купеческо-мещанский жилищный фонд наполнился хлынувшими в Москву мигрантами с преимущественно сельским бэкграундом, смешивание происходило на уровне отдельных квартир.

Довоенный период характеризовался ограниченным жилищным строительством, спецификой которого являлась децентрализация и наличие у большинства министерств и предприятий собственных строительных подразделений, возводящих здания. В этих домах жили сотрудники соответствующих организаций, и дифференциация происходила на уровне отдельных домов, подъездов и квартир, но не районов — создание специфически номенклатурного района согласовать было бы сложно. После войны происходит централизация строительства — строительные функции берет на себя город, а через некоторое время возникают строительные комбинаты и начинается массовое строительство хрущёвской и брежневской эпох. Новый жилищный фонд частично распределяется между организациями, частично (поквартирно) выдается жителям аварийного и коммунального жилья центра города, в котором население разного социального происхождения жило с 1920-х гг. Организации пытаются способствовать строительству единичного элитного жилья для руководителей (зачастую — это «сталинки», построенные в пост-сталинскую эпоху, а также панельные дома обычных серий с более дорогой «начинкой»), в целом массовая застройка продолжает традиции московского социального смешения и, хотя, например, в домах на юго-западе Москвы, где с 1960-х гг. начинают кластеризоваться научные организации, в целом, уровень образования жильцов выше, а на востоке рядом с огромными заводами индустриальной эпохи — ниже, и там, и там население социально разнообразно.

Нужно отметить, что соответствующий имидж районов в разных частях Москвы — продукт 1980-х гг., до этого периода для жителя центра, которым выдавали квартиру, сам факт наличия жилплощади был важнее района, в котором она находится, тем более что от района к району они не отличались. Так сложилось

эгалитарное социалистическое пространство в Москве, на которые накладывается постсоветская — внутренняя и международная — миграция.

Оказываясь в Москве, мигранты разных миграционных потоков и волн, если их не селит работодатель (а это касается значительной части мигрантов в строительной сфере) первое время почти всегда селятся у родственников или снимают койко-место, комнату или квартиру, затем же, и это важный индикатор, позволяющий говорить, что мигрант из временного становится постоянным, он может купить недвижимость. Выделяются, таким образом, два паттерна — связанные со съемом и с покупкой жилья. Снимать жилье мигранты чаще всего пытаются рядом с работой, которая не локализуется в какой-либо части Москвы, однако нередко они живут и на существенном от нее отдалении, это чаще всего связано с тем, что жить вместе предложили родственники или «земляки». В этом случае ценность «жить со знакомыми» оказывается важнее ценности «снимать рядом с работой», так как время на поиск жилья у мигрантов ограничено, а родственники и знакомые — ключевой информационный ресурс для них [Варшавер, Рочева, Иванова, 2017], фактическое место жительства складывается из этих двух составляющих.

Важно, что стоимость койко-места в квартире-общежитии мало зависит от района проживания. Расположение каждого из квартир-общежитий, в свою очередь, ретроспективно объясняется близостью к рабочему месту человека, некогда такую квартиру снявшего, а рабочие места, как уже отмечалось, располагаются по всей Москве, как и такие квартиры-общежития.

Несколько отличается паттерн резидентного выбора у тех, кто принимает решение о покупке недвижимости? У таких людей на первый план выходят несколько другие факторы — цены на недвижимость, качество школ, экология, а также близость мест проживания родственников и знакомых. Эти паттерны мало отличаются от соответствующих паттернов у немигрантов или внутренних мигрантов, которые покупают недвижимость в Москве. Поэтому и расселяются этнические мигранты равномерно по доступному жилищному фонду, в том числе и новому, равномерно распределенному по городу. Напомним, что в его строительстве активное участие принимает третья категория мигрантов — мигранты строители. Они живут преимущественно на объектах, а значит тоже относительно равномерно по городу.

Как говорилось выше, места резидентной концентрации мигрантов все-таки складываются и из некоторых мест, расположенных рядом с большими мигрантскими рабочими местами, где мигранты селятся массово, немигранты предпочитают уехать. Почему подобный процесс не происходит на уровне всего города? Во-первых, доля этнических мигрантов в населении Москвы относительно невелика и по разным оценкам составляет не более 20 %, в результате чего подобные места концентрации являются единичными явлениями, и не кластеризуются в тех или иных частях города. Во-вторых, поскольку большинство московских районов мало отличаются один от другого в части качества жилья, социального состава жильцов, а также доли мигрантов в населении, на уровне города такие смены места жительства относительно бессмысленны. В-третьих, слабо развитый рынок покупки-продажи недвижимости скорее осложняет этот акт, и москвичи, зачастую не купившие квартиру, а получившие ее в ходе приватизации, относятся к ней не как к активу, а как к фамильному гнезду, и в результате относительно редко

меняют место жительства. Такое положение вещей является дополнительным фактором, сохраняющим status quo и объясняющим равномерное расселение мигрантов по всей Москве.

Данное описание и объяснение не является исчерпывающим — существует разнообразие моделей проживания мигрантов в Москве, и каждая из них должна быть исследована на предмет пространственного размещения отдельно. Детального исследования требует резидентный выбор — мигрантов и немигрантов. Кроме того, тщательнее предстоит описать историю пространственного эгалитаризма Москвы. Но картина именно такова: этнические мигранты в Москве расселены равномерно, и связано это в первую очередь с эгалитаризмом городского пространства столицы.

Сравнение и теоретическая модель

Итак, резюмируя характеристики расселения мигрантов и их детей в Париже, Сингапуре, Сиднее и Москве, можно констатировать, что в Париже, как и в Сиднее, фиксируется определенный уровень резидентной сегрегации постоянных мигрантов и их детей, которые в целом перепредставлены в бывших рабочих районах; в Сингапуре пространственно сегрегированы большинство временных трудовых мигрантов, в то время как квалифицированные мигранты и постоянные резиденты (два накладывающихся множества), а также недавние граждане в резидентных паттернах не отличаются от немигрантов; в Москве, несмотря на наличие небольшого количества мест резидентной концентрации мигрантов, сегрегации нет, и мигранты селятся равномерно по всему городу. Анализ факторов расселения мигрантов в этих четырех городах позволил выделить ряд значимых факторов и создать схему (см. рис. 2), описывающую взаимодействия этих факторов между собой.

Расселение мигрантов является функцией от разнообразных характеристик принимающего общества и миграционных потоков, а также — миграционной политики, соединяющей первые и вторые. Проанализируем каждый из факторов детально — отдельно и во взаимосвязи с прочими факторами, а затем укажем, какие факторы «ответственны» за расселение мигрантов в каждом из четырех случаев и сравним их между собой.

Характеристики миграционных потоков — человеческий капитал и габитус мигрантов (образованные или необразованные, сельские или городские, квалифицированные или неквалифицированные), а также их миграционные намерения — являются производной от социально-экономических характеристик принимающей страны и ее месте в рамках тех или иных миграционных систем. В частности, Сингапур и Австралия вместе являются частью Тихоокеанской миграционной системы, и, как следствие, основные страны-доноры для них — Китай и Индия, для пост-имперской Франции — основные доноры — ее африканские колонии, а для России — страны бывшего Советского Союза.

Более высокий уровень экономического развития в этих странах, а особенно в столицах, находящихся в фокусе исследования, позволяет претендовать на прием мигрантов всех уровней квалификации, поэтому другим важным фактором, определяющим характеристики потоков, является миграционная политика, проактивная, сфокусированная на привлечении квалифицированных мигрантов в ка-

честве постоянных жителей (в Сингапуре и Австралии) и реактивная, не способная повлиять на «качество миграции» (в России и Франции). Миграционная политика Сингапура, кроме того, проводит четкую грань между неквалифицированными временными и квалифицированными постоянными мигрантами, а в Австралии в свете того, что эта страна принимает гуманитарных мигрантов, работы, которые выполняют временные мигранты в Сиднее, — выполняет именно они. В результате «качество» миграционного потока в Австралии и Сиднее выше, чем во Франции и в России.

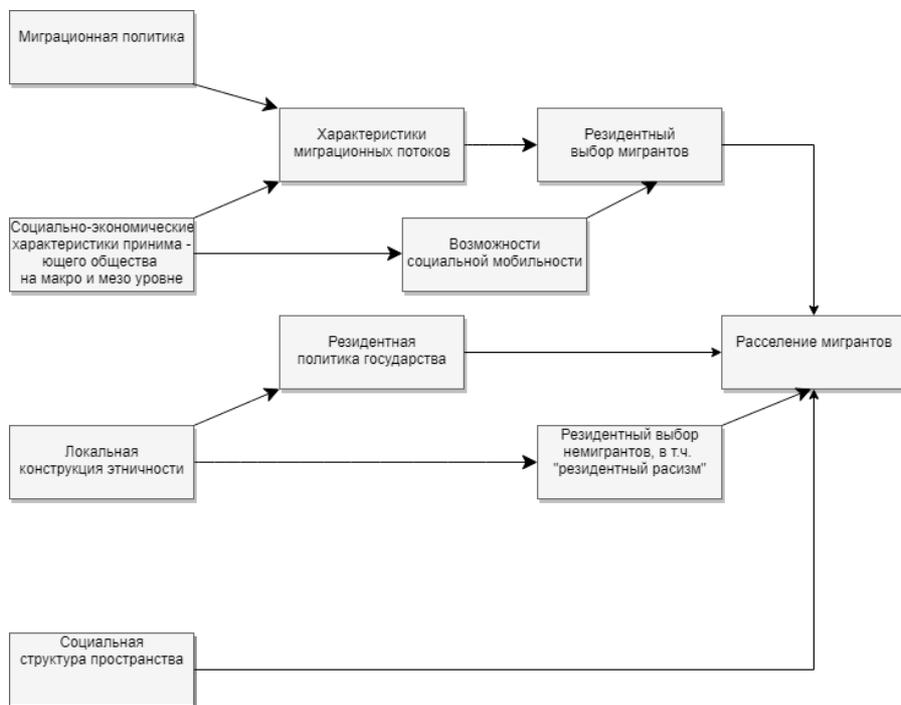

Рисунок 2. Детерминанты расселения мигрантов: теоретическая модель

Социальная структура пространства — наиболее значимый фактор принимающего общества — складывается в ходе социальной истории места и описывает то, как разные социальные группы размещены в стране и городе. Зачастую классовость пространства закладывается в ходе интенсивной индустриальной урбанизации. В Париже, главном центре французской индустриализации, классовая дифференциация пространства сложилась уже к началу XX века. В Австралии индустриализация произошла позднее, однако представления о необходимости резидентной классовой сегрегации Австралия заимствовала из Англии, откуда происходило абсолютное большинство ее населения на момент индустриального бума, в результате чего к 1930-м гг. Сидней также стал классовым городом. В Сингапуре ключевым основанием для распределения людей в пространстве была расовая принадлежность, заявленная в качестве такового в генплане нача-

ла XIX века и остающаяся таковым до настоящего времени — пространственная дифференциация по имущественным основаниям в Сингапуре существовала, но значила меньше, чем расовая, в настоящее же время в связи со строительством массового государственного жилья ее значимость снизилась еще больше. Особая история — у одного из в прошлом ключевых социалистических городов — Москвы. Дореволюционная индустриализация не создала классово дифференцированного пространства, равно как не сложилось его и после революции. Этому способствовала даже не эгалитарная идеология Советского государства, а институционально-организационная структура советского массового строительства. Можно говорить, что в Париже и Сиднее пространство — классовое, в Москве и Сингапуре — эгалитарное.

Играет роль и локальная конструкция этничности [Варшавер, 2016], совокупность актуальных этнических категорий и типичных отношений между ними. Именно она в некоторых случаях имеет институциональное воплощение (например, согласно официальной сингапурской идеологии мультирасиализма, расовые группы являются *separate, but equal*), именно она позволяет некоторым мигрантским группам быстро перейти в категорию «местных» (например, британцам, а затем — итальянцам и грекам в Сиднее), а некоторых — на протяжении поколений оставляет «чужаками» (например, магрибцев в Париже) и именно она определяет наличие или отсутствие «резидентного расизма» — такой характеристики резидентного выбора местных, при котором они в качестве соседей не хотят видеть мигрантов и их детей.

Австралия до 1970-х гг. придерживалась расовой миграционной политики, на смену которой пришел мультикультурализм, однако эта замена была в значительной степени вынужденной мерой, и в настоящее время государственный мультикультурализм соседствует с культурным расизмом некоторой части австралийского общества, выражающемся в том числе в нежелании «слышать запах карри» из кухонь соседей индусов. Сходная ситуация во Франции, в которой расизм, в частности резидентный, принимающего общества накладывается на экономическую депривированность мигрантов и их детей, выраженную в том числе и пространственно. В результате многие французы не хотят селиться рядом с мигрантами.

В Сингапуре «расовый паритет» лежит в основании расселения, жители не могут повлиять на этнический состав своего дома или подъезда, в результате, везде он примерно одинаковый. Вместе с этим, общежития, в которых живут временные мигранты, как показали недавние события, являются нежелательным соседством для сингапурцев, а значит можно говорить о присутствии резидентной ксенофобии.

Конструкция этничности в Москве — с давних пор этнически разнообразном городе — сочетает в себе традиции советского интернационализма, бытовой ксенофобии немигрантов по отношению к мигрантам и тем, кто на них похож, и нежелания жить рядом с ними, а также существенного уровня ингруппового фаворитизма у некоторых групп мигрантов первого и второго поколений.

Важным фактором является и государственная (или городская) резидентная политика, направленная на общество в целом или непосредственно на мигрантов. В Париже власть сфокусировалась на жилищном вопросе после Второй мировой войны, государственная политика была ответом на довоенный жилищный кризис.

В ее рамках немигрантская часть рабочего класса была расселена в социальное жилье, а мигрантская — во временные общежития и транзитные городки. С ликвидацией временного жилья мигранты переселились в «большие ансамбли» социальных кварталов. В настоящий момент власти пытаются осуществить попытку социального смешения, которая состоит в расселении социального жилья.

В Сингапуре государство является главным регулятором расселения как мигрантов, так и немигрантов. Как и Франция, столкнувшись с жилищным кризисом, после Второй мировой войны оно начало массовое строительство многоэтажных зданий, в которых сейчас живет 80 % жителей. В этом жилье государство регулирует расовый состав населения. Кроме того, государство регулирует условия проживания в старом жилье, а также — расположение мигрантских общежитий.

В Сиднее государство и город вмешиваются в расселение мигрантов и немигрантов меньше — в ходе приема первых послевоенных волн мигрантов их аккомодация осуществлялась в специальных общежитиях, сейчас же неимущим мигрантам государство помогает с арендой.

В Москве строительство и расселение до 1991 г. осуществлялось государством, затем же государство почти полностью покинуло эту сферу и на данный момент оно практически никак не модерирует расселение.

Функцией от характеристик миграционного потока и характеристик принимающего общества, в частности уровня безработицы и конструкции этничности, является следующий фактор — наличие вертикальной социальной мобильности у мигрантов, в том числе, межпоколенческой. Париж является примером ее сильной ограниченности — низкий уровень человеческого капитала мигрантов, высокий уровень безработицы в целом и особенно высокий — среди мигрантов и их детей, отсутствие моделей социального успеха, расизм принимающего общества, замыкание социальных районов на себе и складывание там антиобщественной культуры, — все это создало ситуацию, при которой выбраться из таких гетто по социальной лестнице оказывается сложно.

Сингапур, напротив, представляет собой современное динамичное общество с низким уровнем безработицы, в котором мигранты и их дети не имеют структурных ограничений для достижения социального успеха. Одновременно с этим временные мигранты лишены возможностей для социальной мобильности.

Хорошие показатели межпоколенческой социальной мобильности демонстрирует Сидней: известно, что мигранты второго поколения в Австралии лучше образованы, чем местные и не проигрывают им на рынке труда.

Москва в части наличия возможностей социальной мобильности не отстает от Сиднея. Если первое поколение в массе своей работает на низкоквалифицированных работах или занимается бизнесом, второе поколение массово идет в ВУЗы и на рынке труда затем не уступает сопоставимым немигрантам.

Особой переменной, значение которой определяется характеристиками миграционного потока, характеристиками вертикальной мобильности и резидентной политикой, является резидентный выбор, осуществляемый мигрантами. Дело в том, что в обществах, в которых мигранты занимают низкие позиции на рынке труда и где их расселением занимается государство, выбора, строго говоря, мигранты не осуществляют. Напротив, финансовое благополучие — имеющее

домиграционное происхождение или приобретенное в ходе вертикальной мобильности в принимающем обществе — позволяет мигрантам выбирать, где жить. Этот выбор, однако, может быть ограничен нежеланием местных жить с мигрантами. Во Франции мигранты место жительства, в целом, не выбирали. В Австралии для большинства миграционных волн прошлого и гуманитарных мигрантов настоящего также выбор не стоял — их селили в общежития, затем они переселялись в ограниченное число кварталов, однако квалифицированные мигранты настоящего и второе поколение такой выбор имеет возможность осуществлять. В Сингапуре ни квалифицированные, ни неквалифицированные мигранты за некоторыми исключениями не могут выбирать, где жить; за неквалифицированных мигрантов чаще всего отвечает работодатель, а квалифицированные покупают или снимают государственное жилье посредством обращения в специальный распределитель недвижимости. Москва предоставляет наибольшие возможности для выбора — в российской столице нет ни классовой предзаданности пространства, ни вмешательства государства в характеристики расселения. Рынок съемной недвижимости в значительной степени поделен на мигрантский и немигрантский сектора, и эта регуляция осуществляется в том числе за счет этнических маркеров в объявлениях о сдаче квартир, однако находиться квартиры-общежития могут по всему городу. Продажа же квартир осуществляется вне указанных ограничений.

На основании описанных факторов можно формализовать описание городов-случаев и продемонстрировать, как работает тот или иной набор факторов в каждом случае в сравнении. Так, расселение мигрантов в Париже объясняется через низкий уровень человеческого капитала мигрантов (1), миграционную политику, «вопреки» которой мигранты остались во Франции (2), классовую социальную структуру пространства (3), резидентную политику, разную по отношению к мигрантам и немигрантам (4), и локальную конструкцию этничности, в которой существенную роль играет мигрантофобия (5).

Заключение

В данной статье на основании анализа четырех глобальных городов была создана схема, объясняющие характеристики расселения мигрантов затем же было произведено их сравнение. Она релевантна для каждого из случаев, однако действие каждого из факторов в каждом из случаев — различно, объясняется же каждый из случаев уникальной констелляцией этих факторов.

Можно предположить, что анализ других случаев дал бы на выходе иной набора факторов и несколько отличную теоретическую схему. Именно в этой связи работа будет продолжена и дополнена прочими случаями, более того — в фокусе будут как глобальные города, так и прочие населенные пункты и — шире — страновые контексты. В частности, не вошли в этот анализ результаты уже проведенных исследований в Швеции, Канаде и Великобритании; планируются исследования в ОАЭ, США, Израиле и Корее.

Страновые случаи, однако, являются прежде всего контекстом для понимания расселения мигрантов в России, которому постепенно предполагается уделять все больше времени. В частности, на основании переписи с помощью индексов сегрегации предполагается осуществить замер расселения мигрантов в Москве.

Полезным результатом этой работы станет квантификация московских показателей, а значит — выход на более фундированное международное сопоставление. Альтернативная гипотеза, однако, состоит в том, что большинство существующих индексов сегрегации для Москвы нерелевантны в свете качества статистических данных. Степень применимости индексов к московскому случаю будет исследована. Параллельно продолжается исследование в Москве (преимущественно методами глубинного интервью и наблюдения), географическая рамка расширяется до границ соседних областей в связи с тем, что распределение объектов и расселение мигрантов имеет агломерационную логику.

В какой степени Москва в части расселения мигрантов отличается от прочей России? Ответ на этот вопрос авторы планируют получить, исследовав случаи других российских городов — в частности, Екатеринбург и Красноярск.

Другим важным вопросом является перспектива изменения существующей ситуации с расселением мигрантов в России со временем, например, в свете интенсификации и диверсификации миграционных потоков. Если сейчас этнические районы в России почти не складываются, изменится ли такое положение вещей, если Россия выйдет на глобальный рынок мигрантов и станет массово привлекать в качестве постоянных резидентов, например, молодежь из Индии и Китая? Ответ на этот вопрос авторы попытаются дать посредством АВМ (акторно-ориентированное компьютерное моделирование расселения мигрантов и немигрантов).

Приложение

Результаты сравнительного анализа характеристик расселения мигрантов в глобальных городах и их детерминант

	Париж	Сингапур	Сидней	Москва
Социально-экономические характеристики принимающего общества	Постиндустриальная экономика, альфа++, ВВП на душу населения \$ 45775 (25 место), безработица 9 %	Постиндустриальная экономика, альфа++, ВВП на душу населения \$ 10345 (4 место), безработица 2 %,	Постиндустриальная экономика, альфа++ ВВП на душу населения \$ 52373 (17 место), безработица 5 %	Постиндустриальная экономика, альфа+, ВВП на душу населения \$ 29267 (49 место), безработица 5 %
Миграционная политика	Реактивная, потоки не дифференцируются, упор на воссоединение семей	Проактивная, дифференциация не-квалифицированных временных мигрантов и квалифицированных постоянных	Проактивная, упор на квалифицированную миграцию, гуманитарная составляющая	Реактивная, нет дифференциации между потоками
Характеристики миграционных потоков	Неквалифицированная, постоянная миграция	Квалифицированная постоянная миграция, неквалифицированная временная миграция	Постоянная миграция — квалифицированная и неквалифицированная	Неквалифицированная не дифференцированная между временной и постоянной миграция
Социальная мобильность мигрантов, в т. ч., межпоколенческая	Низкая	Отсутствует для временных мигрантов, высокая для постоянных	Умеренная для первого поколения, высокая для второго	Умеренная для первого поколения, высокая для второго
Социальная структура пространства	Классовая	Эгалитарная	Классовая	Эгалитарная
Локальная конструкция этничности	Белая Франция vs. Неевропейские мигранты	Паритет между китайцами, малайцами и остальными	Мультикультурализм, рудименты политики Белой Австралии	Советское мультикультуралистское наследие совмещается с бытовым расизмом
Резидентная политика	Отсутствующая, затем — временное жилье для мигрантов и социальное жилье для немигрантов, затем — переселение мигрантов в социальное жилье, затем — относительно безуспешные политики социального смешения	Государственное жилье, расовые жилищные квоты для резидентов, а также по статусам пребывания для иностранцев, сегрегационная политика в отношении временных мигрантов	Аккомодация мигрантов в специальных общежитиях до 1990-х, адресная помощь и политика социального смешения в отношении беженцев и неимущих мигрантов и немигрантов в настоящее время	Отсутствует
Резидентный выбор мигрантов	Отсутствует	Лимитирован для постоянных мигрантов, отсутствует для временных	Присутствует в первую очередь для освоившихся мигрантов и второго поколения	Присутствует для всех категорий мигрантов
Резидентный выбор местных, в т. ч., резидентный расизм	Присутствует, есть резидентный расизм	Отсутствует	Присутствует, есть резидентный расизм	Ограничен, есть резидентный расизм
Расселение мигрантов	В социальном жилье преимущественно в северных, северо-восточных и юго-восточных пригородах	В HDB для постоянных мигрантов, преимущественно в общежитиях, но также в шопхаусах в старых районах	Преимущественно во внешних пригородах, расположенных в 15—30 километрах на запад и юго-запад от сити	Равномерно по городу

Список литературы (References)

- Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3. С. 52—64.
- Vendina O. (2004) Are Ethnic Neighborhoods Possible in Moscow? *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. No. 3. P. 52—64. (In Russ.).
- Amrith S. (2010) Mobile City and the Coromandel Coast: Tamil Journeys to Singapore, 1920—1960. *Mobilities*. Vol. 5. No. 2. P. 237—255. <https://doi.org/10.1080/17450101003665085>.
- Arbaci S. (2007) Ethnic Segregation, Housing Systems and Welfare Regimes in Europe. *European Journal of Housing Policy*. Vol. 7. No. 4. P. 401—433. <https://doi.org/10.1080/14616710701650443>.
- Åslund O. (2005) Now and Forever? Initial and Subsequent Location Choices of Immigrants. *Regional Science and Urban Economics*. Vol. 35. No. 2. P. 141—165. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2004.02.001>.
- Atkinson R., Kintrea K. (2000) Owner-Occupation, Social Mix and Neighbourhood Impacts. *Policy & Politics*. Vol. 28. No. 1. P. 93—108. <https://doi.org/10.1332/0305573002500857>.
- Avenel C. (2009). La construction du “problème des banlieues” entre ségrégation et stigmatisation. *Journal français de psychiatrie*. No. 3. P. 36—44. <https://doi.org/10.3917/jfp.034.0036>. (In French).
- Benton-Short L., Price M. D., Friedman S. (2005) Globalization from Below: The Ranking of Global Immigrant Cities. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. No. 4. P. 945—959. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2005.00630.x>.
- Berry B. J. L., Rees P. H. (1969) The Factorial Ecology of Calcutta. *American Journal of Sociology*. Vol. 74. No. 5. P. 445—491.
- Bidoux P.-É. (2012) Les descendants d’immigrés se sentent au moins autant discriminés que les immigrés. *INSEE Île-de-France à la page*. No. 395. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1292652>. (In French)
- Bidoux P.-É., Couleaud N. (2017) Les quartiers de la politique de la ville en Île-de-France. *INSEE Analyses Île-de-France*. No. 57. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2658852>. (In French)
- Blanc-Chaléard M.-C. (2008) Migrants et logement en France. *Accueillir*. No. 245. P. 4—7. https://www.revues-plurielles.org/_uploads/pdf/47/245/245_les_immigres_et_le_logement.pdf. (In French)
- Briggs X. D. S. (2003) Re-shaping the Geography of Opportunity: Place Effects in Global Perspective. *Housing Studies*. Vol. 18. No. 6. P. 915—936. <https://doi.org/10.1080/0267303032000135500>.

Clark W. A. V. (1988) Understanding Residential Segregation in American Cities: Interpreting the Evidence. A Reply to Galster. *Population Research and Policy Review*. Vol. 7. No. 2. P. 113—121. <https://doi.org/10.1007/bf00125463>.

Couleaud N., Poncelet T., Capillon J., Ngo Ch., Derosier A., Gilotte O., Didier A., Gauthier L. (2016) Brevet des collèges en Ile-de-France: Réussite à l'examen et inégalités sociales des territoires vont de pair. *INSEE Analyses Île-de-France*. No. 40. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2421947>. (In French)

Cowgill D. O., Cowgill M. S. (1951) An Index of Segregation Based on Block Statistics. *American Sociological Review*. Vol. 16. No. 6. P. 825—831. <https://doi.org/10.2307/2087511>.

Demintseva E. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556—2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Duncan O. D., Duncan B. (1955) A Methodological Analysis of Segregation Indexes. *American Sociological Review*. Vol. 20. No. 2. P. 210—217. <https://doi.org/10.2307/2088328>.

Epstein R. (2011) Politiques de la ville: bilan et (absence de) perspectives. *Regards Croisés sur L'économie*. No. 1. P. 203—211. <https://doi.org/10.3917/rce.009.0203>. (In French)

Havekes E. A. (2014) Putting Interethnic Attitudes in Context. The Relationship between Neighbourhood Characteristics, Interethnic Attitudes and Residential Behaviour. Ph. D. Thesis. Utrecht: Utrecht University. <https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/290127>.

Histoire de l'immigration en France. La contribution des immigrés au développement économique et aux guerres françaises de 1850 à aujourd'hui. Collectif des Luttins. Grenoble, 2004. http://www.preavis.org/formation-mr/Luttins/brochure_immigration_1-0.a5.pdf. (In French)

Jahn J., Schmid C. F., Schrag C. (1947) The Measurement of Ecological Segregation. *American Sociological Review*. Vol. 12. No. 3. P. 293—303. <https://doi.org/10.2307/2086519>.

Janson C. G. (1980) Factorial Social Ecology: An Attempt at Summary and Evaluation. *Annual Review of Sociology*. Vol. 6. P. 433—456. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.06.080180.002245>.

Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007a) Ethnic and Racial Segregation in U. S. Metropolitan Areas, 1980—2000: The Dimensions of Segregation Revisited. *Urban Affairs Review*. Vol. 42. No. 4. P. 479—504. <https://doi.org/10.1177/1078087406292701>.

Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007b) The Geography of Ethnic Residential Segregation: A Comparative Study of Five Countries. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 97. No. 4. P. 713—738. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2007.00579.x>.

- Jones K., Johnston R., Manley D., Owen D., Charlton C. (2015) Ethnic Residential Segregation: A Multilevel, Multigroup, Multiscale Approach Exemplified by London in 2011. *Demography*. Vol. 52. No. 6. P. 1995—2019. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0430-1>.
- Krysan M. (2002) Community Undesirability in Black and White: Examining Racial Residential Preferences through Community Perceptions. *Social Problems*. Vol. 49. No. 4. P. 521—543. <https://doi.org/10.1525/sp.2002.49.4.521>.
- Lapeyronnie D. (2006) Révolte primitive dans les banlieues françaises. *Déviance et Société*. Vol. 30. No. 4. P. 431—448. <https://doi.org/10.3917/ds.304.0431>. (In French)
- Lévy-Vroelant C. (2004) Le logement des Migrants en France du Milieu du 19e siècle à nos Jours. *Historiens et Géographes*. No. 385. P. 147—165. (In French)
- Maloutas T., Fujita K. (eds.) (2016) Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315605661>.
- Massey D. S., Denton N. A. (1988) The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*. Vol. 67. No. 2. P. 281—315. <https://doi.org/10.1093/sf/67.2.281>.
- Musterd S., Andersson R. (2005) Housing Mix, Social Mix, and Social Opportunities. *Urban Affairs Review*. Vol. 40. No. 6. P. 761—790. <https://doi.org/10.1177/1078087405276006>.
- Musterd S., Marcińczak S., Van Ham M., Tammaru T. (2017) Socioeconomic Segregation in European Capital Cities. Increasing Separation between Poor and Rich. *Urban Geography*. Vol. 38. No. 7. P. 1062—1083. <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1228371>.
- Pan Ké Shon J.-L. (2011) Residential Segregation of Immigrants in France: an Overview. *Population and Societies*. No. 477. https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/19145/pesa477.en.pdf.
- Pan Ké Shon J.-L. (2009) Ségrégation ethnique et ségrégation sociale en quartiers sensibles. *Revue française de sociologie*. Vol. 50. No. 3. P. 451—487. <https://doi.org/10.3917/rfs.503.0451>.
- Panics R., Vriend N. J. (2007) Schelling's Spatial Proximity Model of Segregation Revisited. *Journal of Public Economics*. Vol. 91. No. 1—2. P. 1—24. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2006.03.008>.
- Park R. E. (1950) *Race and Culture*. Glencoe, IL: Free Press.
- Park R. E., Burgess E. W. (1925) *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Phang S.-Y. (2018) *Policy Innovations for Affordable Housing in Singapore: From Colony to Global City*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-75349-2>.

- Préteceille E. (2011) Has Ethno-Racial Segregation Increased in the Greater Paris Metropolitan Area? *Revue française de sociologie*. Vol. 52. No. 5. P. 31—62. <https://doi.org/10.3917/rfs.525.0031>.
- Raden D. (2003) Ingroup Bias, Classic Ethnocentrism, and Non-Ethnocentrism among American Whites. *Political Psychology*. Vol. 24. No. 4. P. 803—828. <https://doi.org/10.1046/j.1467-9221.2003.00355.x>.
- Rahman M. M. (2017) *Bangladeshi Migration to Singapore. A Process-Oriented Approach*. Singapore: Springer Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-3858-7>.
- Schelling T. C. (1971) Dynamic Models of Segregation. *Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 143—186. <https://doi.org/10.1080/0022250X.1971.9989794>.
- Seng L. K. (2007a) Black Areas: Urban Kampongs and Power Relations in Post-War Singapore Historiography. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*. Vol. 22. No. 1. P. 1—29. <https://doi.org/10.1355/sj22-1a>.
- Seng L. K. (2007b) *Dangerous Migrants: The Representations and Relocation of Urban Kampong Dwellers in Postwar Singapore*. Asia Research Centre Working Paper No. 140.
- Skifter Andersen H., Andersson R., Wessel T., Viikama K. (2016) The Impact of Housing Policies and Housing Markets on Ethnic Spatial Segregation: Comparing the Capital Cities of Four Nordic Welfare States. *International Journal of Housing Policy*. Vol. 16. No. 1. P. 1—30. <https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1110375>.
- Tammaru T., Musterd S., van Ham M., Marcińczak S. (2015) A Multi-Factor Approach to Understanding Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. In: Tammaru T., Marcińczak S., van Ham M., Musterd S. (eds.) *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. East meets West*. London: Routledge. P. 1—29.
- Tribalat M. (1997) Chronique de l'immigration: Les populations d'origine étrangère en France métropolitaine. *Population*. Vol. 52. No. 1. P. 163—220. <https://doi.org/10.2307/1534513>. (In French)
- Urselmans L. (2016) A Schelling Model with Immigration Dynamics. In: Lewis P. R., Headleand C. J., Battle S., Ritsos P. D. (eds.) *Artificial Life and Intelligent Agents. Second International Symposium, ALIA 2016, Birmingham, UK, June 14—15, 2016, Revised Selected Papers*. Cham: Springer. P. 3—15. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90418-4_1.
- Varshaver E., Rocheva A. (2018) Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés. *Urbanities — Journal of Urban Ethnography*. Vol. 8. No. 2. P. 42—58. <http://www.anthrojournal-urbanities.com/wp-content/uploads/2018/11/5-Anna-Rocheva.pdf>.
- Vieillard-Baron H. (2016) Les religions dans les banlieues: territoires et sociétés en mutation. *Géocofluences: Ressources de géographie pour les enseignants*. <http://geoconfluences.ens-lyon.fr/informations-scientifiques/dossiers-thematiques/fait-religieux-et-construction-de-l-espace/articles-scientifiques/les-religions-dans-les-banlieues-territoires-et-societes-en-mutation>.

- Warren J. F. (2003) *Rickshaw Coolie: A People's History of Singapore, 1880—1940*. Singapore: Singapore University Press.
- White M. J. (1988) *American Neighborhoods and Residential Differentiation*. New York: Russell Sage Foundation. <https://www.russellsage.org/sites/default/files/AmNeighborhoods.pdf>.
- Yang H., Yang P., Zhan S. (2017) Immigration, Population, and Foreign Workforce in Singapore: An Overview of Trends, Policies, and Issues. *HSSE Online*. Vol. 6. No. 1. P. 10—25. https://www.hsseonline.edu.sg/sites/default/files/uploaded/journal_articles/2-peidong.pdf.
- Yeoh B. S.A. (2018) Transnational Migration and Plural Diversities: Encounters in Global Cities. In: Liu-Farrer G., Yeoh B. S. (eds.) *Routledge Handbook of Asian Migrations*. London: Routledge. P. 238—249. <https://doi.org/10.4324/9781315660493-18>.
- Yeoh B. S.A., Lam T. (2016) Immigration and Its (Dis)Contents: The Challenges of Highly Skilled Migration in Globalizing Singapore. *American Behavioral Scientist*. Vol. 60. No. 5—6. P. 637—658. <https://doi.org/10.1177/0002764216632831>.
- Zhou M., Logan J. R. (1991) In and Out of Chinatown: Residential Mobility and Segregation of New York City's Chinese. *Social Forces*. Vol. 70. No. 2. P. 387—407. <https://doi.org/10.1093/sf/70.2.387>.
- Zubrinsky Ch.C. (2006) *Won't You Be My Neighbor: Race, Class, and Residence in Los Angeles?* New York: Russell Sage Foundation.